

Вера Зубарева – литератор широкого диапазона. Нынче слово «литератор» воспринимается как учитель литературы. В позапрошлом веке слово это имело своё определённое значение: профессионал, способный вирши выдать. Прозу представить. Статью написать. Рецензию сочинить. Ну и язык преподавать. К Зубовой такое определение подходит, как далеко не всем. Она выступает во всех взятых жанрах, удивляя своей творческой энергией. Слово у неё нагружено предельно. Метафора открывает нам разнообразие и разноплановость рисуемой картины. И этот цикл или маленькая поэма воздействует на наше восприятие комком в горле. Как ярко поэт раскрывает нам неординарную личность живого и противоречивого человека. И сердце щемит, когда читаешь этот реквием по другу и собрату!

Д. Ч.

СТАТУС ОТСУТСТВИЯ

Памяти друга

1.

вот он стал уже прошлым,
унёс с собою

звонок в дверь,
посиделки на кухне,
запах сигареты.
Теперь когда
приходишь в былое,
там все на месте,
а где был он – только тень и свет.
И ничего уже не поправить,
когда вот так
нашла память на память –
и в ней он есть, и в ней его нет.

2.

Жизнь это уже повод, чтобы напиться.
И правильно сделал, что не обращался
К врачам. Что они понимают, язычники!
Им бы только толочь нашу плоть
В ступке с порошками, чтоб из этой фигни
Слепить что-то вялое, благообразное.

3.

В тебе бродили сразу все предки,
Все предки – от Адама до Иова и дальше,
И все колена, и их продолжатели.
И вечная борьба Иакова с Кем-то
Всегда кипела в твоих жилах.
Зачем ты однажды оставил город
На Чёрном море, где даже чайки
Говорили с тобой на родном языке?
Зачем ушёл на Землю Обетованную?
К чему пришёл, проделав весь путь
Своих предков за несколько часов лёту?
Чтоб подытожить однажды по телефону:
«Здесь хорошо лишь умирать и молиться»?
Молитвам ты так и не научился.
Хорошо ли было тебе умирать?

4.

История прошла через тебя, как колея
По приватной зоне, сделав тебя частью
Своих свершений, их очевидцем.
Ты знал в пустыне каждый камень,
Чем он дышал, кого скрывал,
Мог отличить пророка от осла,
Еврея от араба...
И ты призывал
К ответу Всевышнего,
Шёл к горе,
Ставил пол-литра,
Были речи твои крамольны,
О них спотыкались верблюды и палестинцы,
И все колена израильян,
Которые тебя увещевали хором,
Но ты доносил свою мысль до Него
На жалком иврите, на котором общался
С каменщиками и малярами безграмотней тебя.
Поэтому я и пишу о тебе,
А не о Джоне Доне или Вильяме Шекспире,
О тебе, никому неизвестном Гарике,
Который умер неизвестно когда,
Оставив лишь белый кружочек в скайпе
Как символ дома, где не обитает никто.

5.

Взял и умер, не сказав ни слова.
В этом – весь ты. Узнаю тебя.
Небось, ушёл в запой в райских кущах,
Празднуя свободу от бремени жизни
И взвалив на нас тяжкое бремя догадок,
Ужас от белого кружка в скайпе.
Выйдешь на связь, а он глядит,
Как мечемся по комнате или по жизни
В поисках тебя или может быть себя.

6.

Что прикажешь делать с этой памятью?
Где закопать её, где положить камень,
Как это принято у твоих предков,
Наших предков – грешных, гневливых,
Бунтующих и поддающихся с трудом
Праведному Возделывателю поколений?
Не плоть людская, а сплошной сопромат.
Из неё и Давид, и Соломон. И Иисус,
Пытавшийся в микву¹ окунуть человечество,
Столкнулся с той же частью механики.
Его прогнали на небеса,
А мы на земле удерживаем боем
Каждую пядь. А по ночам глядим
На свод небесный, планируем наступление.
Хочешь не хочешь, нагрянем и к тебе,
Притащим доктора в райские кущи,
Пусть полечит от запоя эйфории
Тебя, неизлечимый друг наш Гарик,
Чтоб ты вспомнил, что у тебя ещё есть
Твои друзья на этом свете,
Если даже в него ты не веришь там.

7.

Ну всё. Finite. Пора закругляться.
Какой там у тебя прощальный тост,
С которым ты забил на всё человечество,
Грохнувшись на землю так, что отскочила
Твоя душа рикошетом в небеса?
Об этом можно только догадываться.
Мы и догадываемся.
Вся жизнь – догадка.
Пей спокойно, дорогой товарищ,
Райский нектар, чтоб в загробном теле
Ничто не червилось, в особенности совесть,
Которая гложет день ото дня.
Нас, конечно. А ты безгрешен,
Чист, как этиловый медицинский спирт.
Прощай! А если надумаешь наведаться,

¹ Резервуар для омовения (*ивр.*).

Тащи с собою старенькую улицу,

Бабеля, стихи, скрип трамвая,

И город, полный жизни и надежд.